

Час битвы с черной кошкой

Некоторое дополнение к истории кинематографа

Обычай 202 - 1995 - 2 - 897888 - 615

ИДАЛЕКО от нашего дома, на старой московской улице Петровка жил знаменитый на всю Москву бильярдный маркер. В тридцатые годы он царил в бильярдной Дома кино, что помещался там же, где и теперь, — на углу Васильевской и Брестской. К нему, в бильярдную, чтобы только пожать руку, заходили самые знаменитые кинематографисты. Звали его дядя Миша (или Гриша).

В редчайшие вечера, когда бильярдная пустовала, дядю Мишу (будем называть его так) удавалось уломать продемонстрировать настоящий класс. В таких исключительных случаях он поначалу скромно отказывался, но потом, все-таки, снисходил и не спеша доставал из шкафа свой личный, заветный, нефрикосовенный наборный кий, хранившийся в специальном чехле зеленого сукна на белых перламутровых пуговках. В эти секунды в бильярдной наступала звенящая тишина.

Из особой коробки красного дерева, покрытой изнутри красным же плюшем, извлекался специальный бильярдный шар. После хитроумного, мастерского удара шар некоторое время катился вперед, а потом, вдруг, повинувшись какой-то неведомой силе, начинал катиться назад или сворачивал, но обязательно закатывался в лузу. После второго удара шар двигался уже не по прямой, как это положено нормальным шарам, а по замысловатой спирали или змейкой. Если же непьющего дядю Мишу удавалось склонить на пятьде-

сят граммов, то начиналось фантазмагорическое — бильярдный шар зависал в воздухе и двигался по воле своего хозяина, даже не касаясь зеленого сукна, как бы паря. Ну а если дядя Миша соглашался принять еще одну порцию, он сообщал шепотом, под большим секретом, что шар этот когда-то принадлежал самому русскому императору Николаю II, а после Октябрьской революции был у царя-батюшки реквизирован передовым пролетариатом и подарен лично ему, дядю Мише, за особое мастерство наркомом просвещения Анатолием Васильевичем Луначарским в одна тысяча девятьсот двадцатом году. И был изготовлен тот шар не из какой-то там пластмассы или даже слоновой кости, а из кляк мамонта. Можете себе представить?

Но и не эта история самая главная, а вот слушайте дальше.

В 1940 году в ДOME кино отмечали сорокалетний юбилей известного кинорежиссера Александра Лукича Птушко, фантазера, выдумщика и удивительного рукодела. Ему подносили разные подарки — тибетейки, бухарские халаты, кортики, живого барашка, говорили при этом теплые слова о превосходстве советского кинематографа над буржуазным, а наш маркер так растрогался и расщедрился, что решил подарить Александру Лукичу свой заветный шар из мамонтовой кости, тот самый.

А когда началась Великая Отечественная война, Александра Лукича Птушко как ценный кинематографический кадр эва-

куировали вместе с семьей в Алма-Ату. След знаменитого маркера как-то потерялся. Но история того бильярдного шара имеет свое, независимое продолжение.

Известный кинорежиссер Птушко до поры до времени не мог найти этому бильярдному шару никакого применения. Чтобы не помереть с голоду, он в промежутках между съемками своих сказочных фильмов шил разным знакомым дамам по сходной цене босоножки или изготовлял из аптечных пузырьков недорогие керосиновые светильники собственного изготовления, электроэнергию-то надо было экономить. Но когда кончилась война, хлеб и сахар стали давать без карточек, наш известный кинорежиссер наконец придумал, куда приспособить свой удивительный бильярдный шар.

На свалке Александр Лукич подобрал ножку от старого обеденного стола орехового дерева. Увидел Александр Лукич выброшенный предмет и в ту же секунду решил создать из этой увесистой ореховой палки и того бильярдного шара трость, тем более они были как бы созданы судьбой друг для друга и только ждали своего часа. В умелых руках Александра Лукича постепенно родилась замечательная ореховая палка с костью набалдашником, украшенной тонкой резьбой, которой вполне могли позавидовать даже старинные резчики, жившие в Китае в эпоху Мин.

А он сам жил в доме на Большой Полянке, № 28, где над

большим двором болталась всего одна слабенькая лампочка под жестяным абажуром.

В том доме жило и еще много кинематографистов, но немногие рисковали выходить на улицу в поздний час, так как в то время по Москве бродили страшные слухи о разбойничьей банде под названием «Черная кошка».

Вот по этому темному двору однажды, помахая своей тяжелой тростью, возвращался к себе домой после утомительной работы бывший кавалерист Птушко и вдруг услышал за спиной чьи-то тяжелые шаги, его явно кто-то догонял. И Александр Лукич сразу понял — «Черная кошка!» А на нем была надетая хорошая пушистая шапка и еще довоенная шуба на каком-то дорогом меху.

— Ну, давай, давай же! — сам себя мысленно подбадривал Александр Лукич, поудобнее перехватив тяжеленную палку, и когда почувствовал на затылке хриплое дыхание преследователя, то неожиданно развернулся и треснул его прямо в лоб заветным шаром из мамонтовой кости.

И страшный бандит из «Черной кошки», не успев даже ойкнуть, рухнул в сугроб, а Птушко только чуть прибил шаг и, не оглядываясь, шагнул к своему подъезду.

Но бандиты, как известно, по-одному не «работают» — на встречу Александру Лукичу из подъезда уже двигался второй, раза в полтора больше первого. Однако бывший конник и тут не растерялся. Снова лихо взмахнул своей булавой, и второй получил такой же удар по лбу.

Отважный режиссер перешагнул через бездыханное тело и стремглав взлетел на свой второй этаж.

— Гасите свет! — шепотом командовал он близким и, даже не снимая калош, на цыпочках приблизился к окну и выглянул из-за шторы во двор.

Первым пришел в себя тот, кого он сразил посреди двора. Некоторое время приходил в себя, ползая на четвереньках, потом кое-как сумел встать на ноги и, шатаясь, побрел к подъезду. Здесь он встретился со вторым, который все еще искал в снегу свою шапку.

Только тут Александр Лукич узнал в них знаменитейших советских кинематографистов: в первом — Сергея Михайловича Эйзенштейна, а во втором — Всеволода Илларионовича Пудовкина. Классики мирового кино терли свои мудрые лбы и пытались понять, что же с ними только что произошло.

А на другой день лампочку над двором повесили раз в десять сильнее и даже установили постоянный милицейский пост, чтобы уберечь ведущих деятелей нашего кинематографа от бандитов из «Черной кошки».

Сегодня, к сожалению, никого из участников этой криминальной истории уже нет в живых, а того маркера, который, как выяснилось, спился где-то в провинции, звали и не дядя Миша, и не дядя Гриша, а дядя Петя, что, впрочем, не отразилось на судьбе отечественного кинематографа.

Яков СЕГЕЛЬ

22.95.

Птушко Александр Лукич